

Немало знаменитых людей связано с Нижним Новгородом своими детскими годами, оставившими в их судьбе неизгладимый след. Кажется бы, бурные и яркие события дальнейшей жизни способны были затушевать детские впечатления, но они раз от раза всплывали в памяти светлыми и чёткими картинами.

Вот и знаменитый мастер художественного слова, основатель жанра литературно-сценической композиции, создатель первого в стране Театра одного актёра Владимир Николаевич Яхонтов (1899–1945) неоднократно вспоминал о детских годах, проведённых сначала в Городце, а затем и в Нижнем Новгороде.

«Где бы я ни жил, моё детство всюду со мной, я ношу его за плечами. Театры и балаганы на Нижегородской ярмарке, волжские разливы и дымы из труб Сормовского завода – вот незримые спутники моего детства...» «Мы покинули с папой наше село на Верхней Волге и переехали к бабушке в Нижний Новгород... Весной две наши красавицы реки – Волга и Ока – широко разливались и затопляли ярмарку, собор, наш дом, стоявший на “стрелке” – на слиянии двух рек. Тогда лодки причаливали к крыльцу, и после уроков я, отвязав свою лодочку, ездил вокруг цирка, лабазов, ярмарочных балаганов, лабиринтов и каруселей. Заезжал в густой камыш и подолгу смотрел на дымящиеся вдали трубы Сормова».

Отец Яхонтова был контролёром акцизного ведомства, бабушка – протоиереем ярмарочного собора. Владимир окончил в Нижнем Новгороде Дворянский институт имени императора Александра II

и, поскольку с детства его тянуло на сцену (играл в институте в любительских спектаклях), в 1918 году поступил в Москве во вторую студию МХТ, а затем перешёл в третью студию к Е. Вахтангову. Преподавателями его были ни много ни мало Станиславский, Качалов, Москвин, Книппер-Чехова...

Начинал артистическую деятельность Яхонтов в театре Мейерхольда, однако скоро увлёкся персональными выступлениями на эстраде. Сразу же он ушёл от стандартного амплуа чтеца, начав разрабатывать новую форму, как тогда говорили, «художественного доклада». Яхонтов с успехом осваивал на эстраде документ, лозунг, поэзию, прозу, объединив их в самых неожиданных сочетаниях – отрывков из воспоминаний, писем, телеграмм, выступлений, газетных статей, песен, частушек (он умудрялся озвучивать даже «Манифест Коммунистической партии»), при этом лоскутное чередование материалов благодаря его мастерству приобретало стройность и целостность.

Обычно он сам составлял композиции, с которыми выступал на эстраде. Иногда брался за темы воистину неподъёмные: «Ленин», «Пушкин», «Горе от ума», «Цусима», «Россия грозная», «Война войне»... Он строил тексты, используя классическую литературу, опираясь на имена Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Льва Толстого, Блока, Маяковского, Есенина... Память его была изумительна. Без каких бы то ни было затруднений он читал и стихи, и прозу – огромные куски текстов, – рождая у слушателей и зрителей ощущение, что он знает наизусть всю русскую литературу. Причём выступления его не ограничивались чтением только литературных произведений, он говорил об авторах и их окружении, об эпохе и её центральных событиях, об их оценке с позиций сегодняшнего дня.

Своими композициями Яхонтов заполнял весь вечер. Он забирал в плен публику и не отпускал её внимания до конца представления. Уже в начале его деятельности один из рецензентов отмечал, что «самый горячий, самый вдохновенный оратор не способен так просто и в то же время так глубоко всколыхнуть аудиторию». И позже критики отмечали «многообразие красок, которыми пользовался Яхонтов, придавая различные оттенки своему исполнению – от иронической лёгкости до высокого драматизма».

Характерно, что Яхонтов всегда ощущал себя не столько эстрадным чтецом, сколько артистом театра. Не случайно он уклонялся от традиционных сборных концертов с участием акробатов, чечёточников, певцов, жонглёров... В своих выступлениях он выполнял роли и драматурга, и исполнителя, и режиссёра. Он требовал, чтобы в афишах указывали «исполняет», а не «читает». Его поклонники обижались, когда его называли артистом эстрады, сам он считал эстраду искусством второго сорта. В 1937 году с большой неохотой по настоянию коллег он принял участие во Всесоюзном конкурсе мастеров художественного чтения, в котором помимо него выступали такие признанные мастера как В. Хенкин, Д. Журавлёв, Л. Утёсов, А. Шварц, Е. Гоголева, Э. Каминка, С. Балашов. И здесь он подтвердил высокий уровень своего мастерства, разделив первую премию.

Острое ощущение слова и его звучания, характерное для Яхонтова, приводило окружающих в восхищение. Как писал нижегородец Николай Глазков, какое-то время работавший у Яхонтова секретарём:

Он самый лучший чтец-недекламатор,
А чтец из тех читателей прекрасных,
Ради которых стоит быть поэтом
И сочинять хорошие стихи...

В течение многих лет Яхонтов освобождался от манеры актёрского чтения стихов (её Осип Мандельштам называл «свиным рылом декламации»), характерной для Малого и Художественного театров. Он учился авторской манере чтения у Маяковского и ни в коей мере не у Качалова.

Его своеобразную позицию в искусстве разделяли далеко не все, многим она казалась «промежуточной»: театралы не признавали выбранный жанр театральным, а эстрадным он сам его считать отказывался. Удаляясь от эстрадных штампов, Яхонтов порой перегружал свои программы, насыщая их множеством интересных, но иногда второстепенных деталей. Например, к столетию гибели Пушкина он выступал с композицией, в которой по ходу дела донна Анна из «Каменного гостя» превращалась в Наталию Николаевну Пушкину, а каменная статуя командора – сначала в Николая I, потом в памятник Екатерине II и, наконец, в памятник Пушкину. Понять эти сложные ассоциативные смещения неподготовленному слушателю было трудно. Они порождали критические отзывы, такие как эта эпиграмма за подписью Пушкинист:

У зрителя рождаете вы злость.
Он вам готов послать протест свой пламенный.
Не выдержит всех ваших трюков ГОСТЬ,
Хоть он и КАМЕННЫЙ.

Организованный Яхонтовым театр «Современник» (1927–1935) не находил понимания у администраторов, актёру то и дело приходилось доказывать право на существование людям, далёким от искусства. Доходило до появления весьма ядовитых эпиграмм (правда, без указания фамилий чтецов):

Что вам желать на свете –
Вам дивный жребий дан:
Слова бросать на ветер,
А деньги класть в карман.

Но и у артистов находилось немало сторонников, способных не менее остроумно ответить критикам:

Желаем вам вооружиться,
Чтоб злую написать статью,
Пред вами – перец, соль, горчица,
А желчь используйте свою.

За свою жизнь Яхонтову пришлось немало претерпеть от официальных лиц и недоброжелателей. Но это не сделало его грубым или жесточённым. По воспоминаниям Ираклия Андроникова, в манерах и поведении артиста не было ни малейшей актёрской развязности или наигрыша. Его внешность невольно привлекала внимание: серые глаза, полные мысли, благородное лицо – спокойное и серьёзное.

Очень светлые волосы на пробор, косо ниспадающие на лоб. Безукоризненно одетый, высокий, статный, несмотря на сутуловатую приподнятость плеч, неторопливый, сдержанный, скупой на движения – таким он воспринимался современниками. В каждом его жесте была какая-то удивительная значительность – не поза, а признак необыкновенного таланта и необыкновенной судьбы.

Во время войны Яхонтов сильно подорвал здоровье. Принятое им решение – на личные деньги построить для сражающейся армии танк – потребовало от него полного напряжения сил. Он выступал с многочисленными концертами, чтобы собрать нужные средства. В 1944 году танк «Владимир Маяковский» был передан в армию. Окончание войны было символично отмечено Яхонтовым: он вместе с Юрием Левитаном вёл репортаж с парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 года.

В летние дни победного года, когда страна жила надеждами на лучшую послевоенную жизнь, Яхонтов выбросился из окна шестого этажа и разбился насмерть. В последние дни перед трагедией многие отмечала его нервное переутомленное состояние. По одной из версий (В. Катанян), причиной самоубийства стало настойчивое внимание органов госбезопасности, пытавшихся заставить артиста сотрудничать с ними путём доноительства (в частности, на Бориса Пастернака). Когда он отказался, ему намекнули, что это отразится на его работе. Яхонтов впал в тяжелейшую депрессию. Надежда Мандельштам считала, что он выбросился из окна в припадке страха, что его идут арестовывать. Близко знавший Яхонтова Николай Глазков написал на его смерть стихотворение, где были такие строки:

Несправедливо и нелепо
Шагает смерть одна и та ж...
Нет! Не хочу бросаться в небо,
Забравшись на шестой этаж!